

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

РИСУНОК И СЛОВО У ПУШКИНА

1

Есть среди автографов Пушкина осени 1830 г. любопытная рукопись. Большой двойной лист in folio. Это — обложка для рукописей драм, написанных в это время в Болдине. Первая страница — «титульный лист», вторая и третья — пустые, на четвертой — рисунки.

Деталь интерьера. Простой стол под покрывалом, на нем короб для бумаг, зеркало или портрет, обращенное к зрителю обратной стороной, бумаги, книги. Глубже стола — книжная полка, на ней книги небольшого формата; ниже их, за коробом, виден затылок и верхняя часть профиля скульптурного бюста.

Внизу нарисовано мужское лицо. Оно не входит в композицию¹.

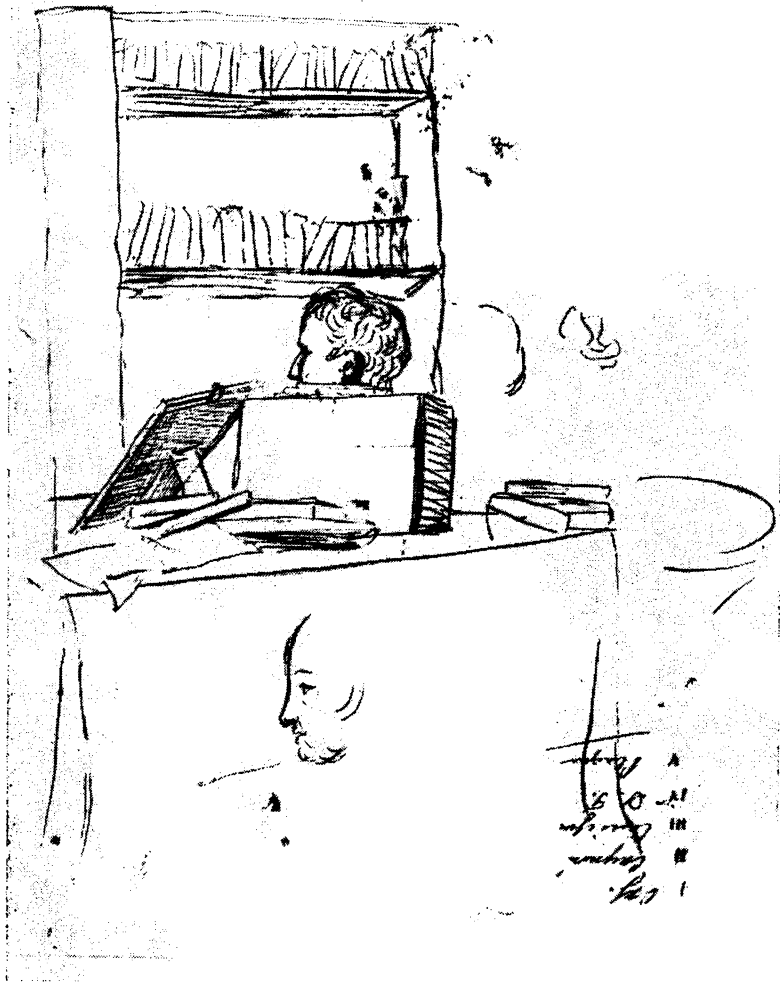
О рисунках этих сказано в печати впервые еще в 1884 г. пушкинистом В. Е. Якушкиным при описании рукописей Пушкина: «192 — I. Октавы. II. Скупой. III. Салиери. IV. Дон-Гуан. V. Plague². Тут же верхом вниз рисунок: письменный стол, полки с книгами и голова сидящего за столом человека; еще лицо»³.

Воспроизведена была эта страница в первый и единственный раз без малого сорок лет назад покойным Абрамом Марковичем Эфросом. Художественный критик, искусствовед, первый по достоинству оценивший рисунки Пушкина, автор четырех книжек о рисунках поэта, так писал об этом листе: «№ 112. Угол кабинета: письменный стол с античным бюстом, рукописями, книгами и т. п.; книжная полка; внизу — начатый портрет П. В. Нащокина. — Изображение рабочей комнаты, единственное среди рисунков Пушкина, заслуживает тем более внимания, что ряд подробностей свидетельствует о бытовой верности рисунка: это, в самом деле, зарисовка, сделанная не наизусть, не на память, а закрепляющая пером то, что сейчас находится перед глазами. Пушкин тщательно прочерчивает контуры предметов, передает их взаимное расположение, наносит и выправляет светотени, останавливается даже на мелочах, вроде уголка стра-

¹ Старый шифр Гос. Библиотеки имени В. И. Ленина — № 2376 А, л. 19 об. Ныне, когда искусственно составленные жандармами после смерти Пушкина тетради раститы и все рукописи поэта перевезены в Ленинград, в Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), шифр фонда Пушкина, в который влились рукописи — 244, опись 1, номер данного листа — 1621 (см. «Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года». Краткое описание. Составила О. С. Соловьева, М.—Л., «Наука», 1964, стр. 75).

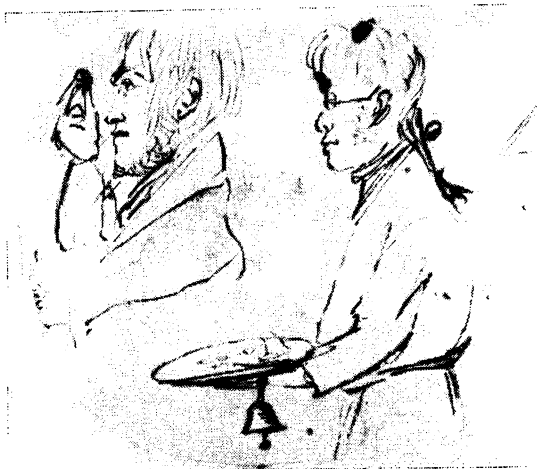
² Чума (англ.).

³ В. Е. Якушкин. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве. «Русская старина», 1884, октябрь, стр. 76—77.

1. Рисунок Пушкина. Кабинет поэта в Болдине

ницы, свисающей со стола, бумаг, неровно высывающихся из ящика, кольца на рамке с откидной подставкой; в особенности он старается над античным бюстом, который дается ему не сразу, потому что сложные округлости скульптуры трудно сочетаются с прямыми плоскостями книг, ящика, стола и пр. В этом отношении рисунок много более прихотлив, нежели простое, почти схематическое изображение окна и куска стола в спальней кишиневского жилища Пушкина, в 1820 году (см. № 12). Какую из своих рабочих комнат зарисовал здесь Пушкин? Ответ зависит от датировки рисунка. Она определяется перечнем произведений, нанесенным на эту же страницу. Он связан с болдинским сиденьем. Таким образом, перед нами кабинет в Болдине, где знаменитой осенью 1830 года Пушкин писал „Драматические сцены“, „Домик в Коломне“, „Повести Белкина“ и пр. Под рисунком, несколько отступая, есть еще мужской профиль. Он брошен неоконченным, — нанесена только линия профиля, глаза, бакены, идущие под подбородок; все же и в таком виде набросок позволяет определить, кого начал зарисовывать Пушкин: в рисунке

2. Рисунок Пушкина. Сцена в церкви. Староста — П. А. Вяземский. Молящийся — П. В. Нащокин

можно узнать П. В. Нащокина. Подтверждением этому служат и косвенные данные: мысли Пушкина были в эту пору заняты Нащокиным довольно усердно, — о нем говорит болдинское письмо к А. Н. Верстовскому, в холерную Москву: „...Скажи Нащокину, чтоб он непременно был жив, во-первых — потому что он мне должен; 2) потому что я надеюсь быть ему должен; 3) что если он умрет, не с кем мне будет в Москве молвить слова живого, т. е. умного и дружеского. Итак, пускай он купается в хлоровой воде, пьет мяту — и по приказанию графа Закревского не предастся унынию (для сего не худо ему поссориться с Павловым, яко с лицом уныние наводящим...“⁴.

А. М. Эфрос убедительно показал, что рисунок сделан с натуры (чрезвычайно редкое явление в графике поэта!). Это можно дополнить и наблюдением, что книжная полка — плотницкой работы, она сделана из неровных досок, послушно повторенных в рисунке.

Неопытность, неумение поэта передать в графике пространство, перспективу, делает то, что одному, разглядывающему рисунок, бюст кажется стоящим на столе, другому — на книжной полке. (В представлении, что это — «голова сидящего за столом человека», Пушкин неповинен)

Приехав в имение в 1830 г., Пушкин поспешил отставить бюст подальше, чтобы лицо изображенного не отвлекало его от работы. Полка же для книг была ему нужна немедленно, и, по-видимому, ее наспех и сколотили из неотделанных досок.

Кстати, мне представляется, что скульптура эта — не «античный бюст», а одно из множества изображений Наполеона. Противоречащие его прямым волосам завитки волос — вероятно, дань скульптора классической традиции.

Если это так, то бюст был привезен в свое время в Болдино отцом или дядей поэта, стихотворцем Василием Львовичем Пушкиным.

Письменный ли это стол поэта, как писал А. М. Эфрос?

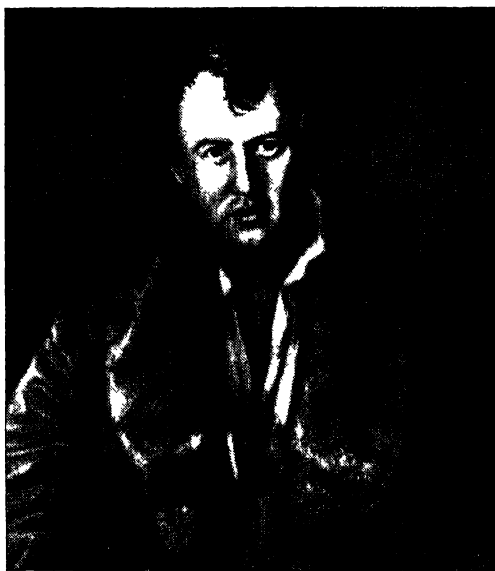
То обстоятельство, что интерьер свободно рисовался поэтом на большом листе *in folio*, говорит о том, что лист этот лежал на большой плоскости. Это и был, очевидно, письменный стол Пушкина в Болдине, а тот, что изображен на рисунке, — второй стол, подсобный, для откладывания уже ненужных книг и бумаг. На рисунке — та часть болдинского кабинета, кото-

⁴ Абрам Эфрос. Рисунки поэта, М., «Academia», 1933, стр. 325 (воспроизведение) и 438—439 (комментарий).

рую поэт видел, когда поднимал голову от рукописи, отрывался от писания.

Иное дело — рисунок кишиневского интерьера. Там изображено окно, на нем железная решетка, вид из окна на гору, строение у ее подножия, частокол на верху горы, край стола, стоящего под самым окном, на столе щетка для волос и другие туалетные принадлежности. Судя по тому, что нарисована только узкая полоса стола, поставленного вплотную к окну, Пушкин сидел именно за этим столом.

Обратимся к портрету, находящемуся под болдинским интерьером. Осторожно, внимательно выуживает поэт из памяти знакомые черты и тут же исправляет неточности — линию лба, носа. Тяжелый нос, толстая нижняя губа полуот-

З. К. П. Мазер. Портрет П. В. Нащокина.
Масло

крытого рта, высоко поставленные короткие брови, мешки под глазами — скупо и выразительно передано лицо. На этом рисунок брошен, — главное схвачено. Сопоставим этот «начатый портрет П. В. Нащокина» (по утверждению А. М. Эфроса) с другим рисунком Пушкина, в котором А. М. Эфрос подозревал портрет Нащокина.

Он изображен в забавной картинке, сделанной поэтом для семнадцатилетней барышни — Елизаветы Ушаковой.

Здесь изображен П. А. Вяземский — в качестве церковного старосты — он и был им в действительности — в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, где вскоре Пушкин венчался. В руках у Вяземского тарелка для собирания пожертвований «на украшение храма» или на другие нужды и колокольчик. Ктитор (староста) тихонько позванивал им, открывая шествие идущих гуськом сборщиков подаваний и пробираясь сквозь толпы молящихся. Волосы у Вяземского заплетены в косичку — намек на то, что псаломщики и другие представители мелкого церковного причта носили длинные волосы. Тут же — молящийся, догадку о котором А. М. Эфрос высказал чрезвычайно осторожно: «Кто изображен в мужчине, делающем крестное знамя? Рисунок носит, несомненно, портретный характер: об этом говорит особый склад лица, его подробности и своеобразные черты; да иначе и не могло быть на рисунке подобного назначения: вести определенную игру должны были все его части. Бесспорное отождествление предложить трудно, но есть известное сходство между этим наброском и чертами П. В. Нащокина вообще и в частности с тем, как изобразил его Пушкин (см. № 112)»⁵.

Эта гипотеза получила бесспорное подтверждение уже после смерти ее автора, когда у нас был опубликован прекрасный портрет П. В. Нащокина, хранящийся в Швеции, в Гётеборгском музее⁶. Написан был портрет шведским художником К.-П. Мазером, работавшим и в России. Это лучшее

⁵ Абрам Эфрос. Рисунки поэта, стр. 287 (изображение) и 418—420 (комментарий).

⁶ См. статью Г. И. Назаровой «Из иконографии Нащокиных» в сб. «Пушкин и его время». Вып. 1, Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 419—420; воспроизведение портрета — стр. 420—421.

4. Карл Брюллов. Карикатура на Булгарина

ства), я натолкнулась на это лицо. Это был... Булгарин⁷. Рисунок Карла Брюллова. Совпадение черт лица, склада его в брюлловском и пушкинском рисунках было бесспорным.

Только в отличие от верного действительности рисунка Пушкина Брюллов рисовал карикатуру. Так, чуть подчеркивая все черты внешности Булгарина, художник показал нос — свислым, приоткрытый рот — плотоядным, подбородок — рыхлым. Лицо отталкивающее. Этого нет в рисунке Пушкина. Изображенного принимали даже за благородного человека, задушевнейшего друга поэта.

Для того, чтобы попытаться понять, что могло быть поводом к тому, чтобы Пушкин так явственно увидел в своем уединении Булгарина, нужно прежде всего выяснить датировку рисунка.

Этим занимался уже А. М. Эфрос: «Рисунок находится на странице, содержащей написанный в обратном направлении перечень пяти произведений болдинского периода: „I. Окт. — II. Скупой — III. Салиери. IV. Д. Г. — V. Plague“⁸. Это расположение рисунка, противоположное тексту остальной рукописи, свидетельствует, что изображение нанесено не в один прием с перечнем, а, скорее, вместе с титульной страницей „Драматических сцен“, ибо оно сделано на развороте смежного листа.

— Датировается рисунок, соответственно изложенному выше, осенью, вероятнее всего — ноябрем 1830 года в Болдине»⁹.

Надо попробовать установить более точную датировку.

Рисунки эти — интерьер кабинета и портрет — нанесены на лист со списком произведений, написанных в Болдине осенью 1830 г.

В рукописи поэмы «Домик в Коломне» («Окт(авы)») под строфой XII поставлена дата: «5 окт(ября)» (V, 377). В конце текста помета: «Болдино 1830 9 окт(ября) 5 3/4 ч(аса) в(ечера)» (V, 386).

«Скупой рыцарь» — датирован в рукописи «23 октября 1830 Болдино» (VII, 376).

Пушкин датировал в рукописи завершение каждой из драм.

«Моцарт и Салиери» — «26 октября 1830 г.»¹⁰. «Каменный гость» («Д. Г.», т. е. «Дон Гуан») — «4 ноября 1830. Болдино» (VII, 315).

⁷ «Литературное наследство», т. 16—18, 1934, стр. 435. Подлинник в Третьяковской галерее.

⁸ А. М. Эфрос передал запись Пушкина точнее, нежели В. Е. Якушкин.

⁹ А. М. Эфрос. Рисунки поэта, стр. 439.

¹⁰ Рукописей «Моцарта и Салиери» не сохранилось. Дата помещена под текстом в альманахе «Северные цветы» на 1832 год, где Пушкин впервые напечатал эту драму (VII, 376).

«Пир во время чумы» («Plague», т. е. Чума) «8 ноября» (XVII, 52).

Как видим, приведенный перечень произведений включает в себе названия крупных творений в стихах, завершенных, а отчасти и созданных в течение одного месяца, с начала октября по 8 ноября 1830 г. Наши данные в то же время произведения в прозе Пушкин в этот список не ввел. А именно к этим дням относятся и «Выстрел» — 14 октября (день окончания повести) (VIII, 1052), и «Метель» — 20 октября (там же), и «История села Горюхина» — на рукописи ее имеются даты — 31 октября и 1 ноября (там же).

Перечень составлен в той последовательности, в какой эти произведения писались, т. е. не в преддверии задуманных работ, а, как это всегда делал Пушкин, после завершения их, как обозрение плодов осени.

Затем поэт воспользовался этим большим двойным листом для обложки рукописей драматических произведений, написанных в этот последний месяц. Перевернув лист, он принялся за надписывание обложки.

Драматические Сцены

1830

— написал Пушкин, окружил эти строки графическими росчерками, а ниже завершил титульный лист фигурой рыцаря. Он — в полном вооружении, со спущенным на лицо забралом. Архитектонически фигура подержана симметрично расположенными у ее подножия различными атрибутами — шлемом с забралом, секирами, литаврами, стрелами, знаменами.

Прекрасный титульный лист!

Но поэт заколебался, удачно ли назвал он новый жанр, который он вводил в драматургию. Задумавшись, он набросал голову Шекспира¹¹, вспоминая единственный портрет драматурга (впоследствии оказавшийся лицом в маске, как в те времена изображали актеров).

Вслед за тем стал он писать приходящие ему в голову варианты общего заглавия к драмам:

Драматические изучения

Опыт

драматических изучений

Ниже нарисовал Пушкин машинально свой излюбленный графический мотив — засохшее кривое дерево с зелеными кустами и травой вокруг него. Еще один вариант заглавия придумал поэт и записал на свободном месте выше:

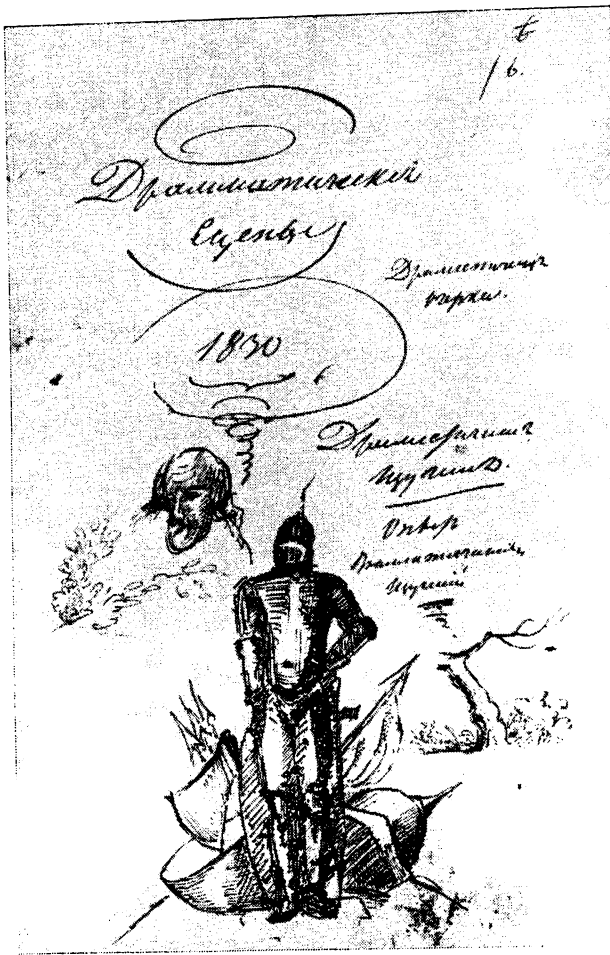
Драматические очерки

Обложка утратила великолепие парадного вида, но обрела верность зеркала размышлений Пушкина.

Кстати сказать, ни от одного из этих возможных заглавий Пушкин не отказался — ни одно не зачеркнуто.

И тем не менее цикл из четырех коротких драм, написанных осенью 1830 г., никогда не называется литературоведами одним из этих заглавий.

¹¹ Портрет Шекспира определен С. М. Бонди.

5. Рисунок Пушкина. Титульный лист к рукописи «Драматических сцен»

Они обозначаются оброненным в письме выражением Пушкина «маленькие трагедии».

Правильно ли это?

Вновь перевернув лист, Пушкин стал зарисовывать на четвертой странице стоящие перед его глазами стол, книжную полку, скульптуру.

Линии покрывала, спускающегося со стола, попадают на текст внизу листа, как бы перечеркивают его. Это — список созданных произведений.

Рисунок этот — проявление некоей опустошенности после титанического труда.

Тут всплыл в сознании Булгарин — и Пушкин с удивительным сходством, найденным не сразу, изобразил его профиль.

Набросок этот сделан, бесспорно, после рисунка кабинета: он помещен симметрично между складок материи, спадающей со стола, — чувство композиции даже в графике было у Пушкина непогрешимым.

Итак, портрет Булгарина — единственный в рукописях Пушкина — нарисован не ранее 8 ноября, вероятно, сразу вслед за рисунком кабинета — восьмого, девятого, десятого...

Но чем вызван он?

Каждый портрет в рукописях Пушкина выражает невысказанное чувство поэта. Нередко он предвосхищает слово. Отвлекающая от работы мысль о человеке требует разрешения, хотя бы воспроизведения его лица в рисунке. Так случалось с Пушкиным, когда он бывал влюблен, когда тосковал о жене в разлуке, когда беспокоился об участии арестованных товарищей, когда мысленно договаривал разговор с навсегда отъезжающим из России польским поэтом, когда предостояло ему написать рецензию о высокоценным поэте, когда в ссылке вынашивал он мечту о возвращении в столицы, чтобы постреляться, наконец, с давним клеветником своим¹².

Такого же характера и рисунки пистолетов в рукописях Пушкина — предвестники неминуемых дуэлей или размышлений о самоубийстве¹³.

К этому же типу рисунков, выявляющих еще не рожденные слова, относится и портрет Булгарина.

«Чиновный журналист» (XI, 169), «опасный по своему двойному ремеслу» (VIII, 411), «полицейский шпион» (XI, 94), Булгарин стал с некоторых пор систематически выступать в печати с наглыми статьями против Пушкина. Печатались они в газете «почти официальной» (XI, 153), «Северной пчеле», издателем-редактором которой и состоял Булгарин.

Особенно возмутительны были два фельетона, напечатанные в «Северной пчеле» 11 марта и 7 августа 1830 г.

В первом из них — «Анекдоте» — Булгарин упрекал Пушкина, выведенного под именем «природного француза», в том, что он будто бы пьяница, картежник, вольнодумец перед чернью и искатель перед сильными. Он противопоставлял ему некоего автора (читай: себя), которому приписывал великие моральные достоинства. Фельетон этот был мстью Булгарина за появившуюся в «Литературной газете» анонимную критику его романа «Дмитрий Самозванец»; автором ее он считал Пушкина, на самом деле она принадлежала Дельвигу.

Пушкин ответил на клеветническое выступление Булгарина статьей «О записках Видока», в которой под именем известного французского сыщика раскрыл подлинный моральный облик Булгарина: «... Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека... «Кто бы мог поверить? Видок честлюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагоклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве, и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писателе, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода» (XI, 129).

Краткая, энергичная статья Пушкина была готова 18 марта. В этот день Погодин заносит в свой дневник записи разговоров Пушкина, к которому он зашел после Университета. Среди других заметок следующие: «Рассказывал о скверности Булгарина», «Давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, фискальстве Булгарина) и взял»¹⁴.

¹² См. Т. Цявловская. Рисунки Пушкина, М., 1969. «Искусство» (в печати).

¹³ См. Т. Цявловская. «Невольник чести беспощадной», «Знание — сила», 1967, № 8.

¹⁴ М. А. Цявловский. Пушкин по документам Погодинского архива. В сб. «Пушкин и его современники». Вып. XXIII—XXIV. Пг., 1916, стр. 103.

Напечатал Пушкин эту статью 6 апреля в «Литературной газете».

Второй фельетон Булгарина вышел в августе, протекавшем для Пушкина в нервных хлопотах, связанных с предстоящим браком. Закончился этот месяц плачевным образом.

«Я уезжаю, рассорившись с г-жей Гончаровой. На следующий день после бала ¹⁵ она устроила мне самую нелепую сцену, какую только можно себе представить. Она мне наговорила вещей, которых я по чести не мог стерпеть. Не знаю еще, расстроилась ли моя женитьба, но повод для этого налицо, и я оставил дверь открытой настезь... Ах, что за проклятая штука счастье!...» (XIV, 110 и 416 — перевод). Так писал Пушкин В. Ф. Вяземской в последних числах августа перед отъездом в Болдино.

А невесте он писал такие горькие строки «Я уезжаю в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиноваться ей, — я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать».

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам, или никогда не женюсь. А. П.» (XIV, 109 и 415 — перевод).

Пушкин ехал в родовое имение Болдино — по хозяйственным делам. Отец выделял ему в связи с его женитьбой сельцо Кистеневку.

С 7-го сентября уже появляются в рукописях Пушкина даты под произведениями, написанными в Болдине.

А 9-го Пушкин писал Плетневу: «Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо; обещает выдти за меня и без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву — я приеду не прежде месяца, а отголе к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная — спроси у Канкрин и у Булгарина» (XIV, 112). (Канкрин — министр финансов, Булгарин — продажное перо).

Письмо невесты успокоило Пушкина и вновь вернуло его к хлопотливым заботам.

Открыло оно и шлюзы для невиданного потока творчества. Однако воспоминания о журнальной его травле нередко вспыхивали в памяти поэта.

В начале октября Пушкин пишет «Домик в Коломне» ¹⁶. Шуточной поэмой этой отвечает он на нравоучения журналистов.

Так, в «Вестнике Европы», в статье Надеждина выражалось негодование, что после блестящих побед русских в турецкую кампанию 1829 г. ни один из русских поэтов не воспел нашей славы, «ни один из певунов, толпящихся между нами, не подумал пошевелить губ своих!... Что это значит? Неужели в груди их не бьется сердце русское? Неужели в жилах их не струится кровь русская? Увы! они сделались романтиками: и ничем не хотят быть более» ¹⁷.

Не отставала от «Вестника Европы» и «Северная пчела». В рецензии на главу седьмую «Евгения Онегина» Булгарин (без подписи), понося грубым

¹⁵ Бал был, вероятно, у Гончаровых, 26 августа — по случаю двойных именин — Натальи Николаевны и ее матери.

¹⁶ См. выше, стр. 200. Пушкин датировал поэму 1829 г. (дата под текстом в альманахе «Новоселье» 1833 г. — см. V, 386). Он имел в виду, вероятно, год войны, в которой он принял участие, и прессу, поднявшуюся (уже в 1830 г.) в этой связи.

¹⁷ Н. Н. <Н. Н а д е ж д и н>. О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии. Отрывок. С л а т и н с к о г о. (Окончание). «Вестник Европы», 1830, № 2, январь, стр. 145.

и развязным тоном поэтичнейшую главу «Онегина», говорил и следующее: «Итак, наши надежды исчезли! Мы думали, что автор „Руслана и Людмилы“ устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями, и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись! Лиры знаменитые остались безмолвными, и в пустыне нашей поэзии появился опять Онегин, бледный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту бесцветную картину!...»¹⁸.

Эту выдержку из статьи Булгарина повторил еще раз Надеждин в своей рецензии на главу седьмую «Евгения Онегина» в «Вестнике Европы» (№ 7, апрель).

Пушкин отозвался на эти статьи в первоначальном наброске вступления к «Домике в Коломне»:

Пока меня словесники бранят
За цель стихов моих иль за бесцелье,
И журналисты строго мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,
Что славы громкой я добьюся вряд,
Что в желтый дом могу на новоселье
Как раз попасть — и что пора давно
Мне сочинять прилично и умно (V, 371)¹⁹.

Вторую октаву поэт начал:

Охота вам писать такие вздоры,
Когда пред вами

но, отказавшись от воспроизведения прямой речи журналистов, продолжал:

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой<нрав>, на бегство персиян.
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут

Этих октав Пушкин не ввел в беловой текст «Домика в Коломне», многих и из переписанных, обработанных строф он не стал печатать, в том числе тех, которые еще откровеннее говорят о выпадах журналистов:

И табор свой писателей ватага
Перенесла с горы на дно оврага.

¹⁸ Новые книги. «Евгений Онегин» (Роман в стихах). Глава VII. Сочинение Александра Пушкина... «Северная пчела», 1830, 22 марта. Без подписи.

¹⁹ Я привожу первоначальную редакцию октавы (факсимиле рукописи—V, 384/385) — в ней яснее выражено первое живое непосредственное чувство поэта. При художественной обработке стихов оно нередко сглаживалось, отходило от действительности. А нам важно проследить постепенное нагнетание реакции Пушкина на наглые выступления Булгарина.

Исправлено:

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов иль за бесцелье
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,
Что славы прочной я добьюся вряд,
Что хмель хорош, но каково похмелье?
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, хоть это мудрено.

И там себе мы возимся в грязи,
Торгуемся, бранимся, так что любо.
Кто в одиночку, кто с другим в связи,
Кто просто врет, кто врет сугубо —
Но, муза, никому здесь не грози —
Не то тебя прижмут довольно грубо —
И вместо лестной общей похвалы
Поставят в угол Северной пчелы.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской суд.—
Ведь нынче время споров, брани бурной,
Друг на друга словесники идут,
Друг друга жмут, друг друга режут, губят
И хором про свои победы трубят.

(V, 379)

К претензиям журналистов по поводу невоспетых Пушкиным побед, он вернулся — уже в серьезном тоне — в предисловии к «Путешествию в Арзрум», напечатанному им в первом томе «Современника» — в 1836 году.

Между тем Пушкина подтачивала неизбывная оскомина от выступлений против него журналистов.

В болдинских рукописях его имеется статья «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», датированная сентябрем-октябрем 1830 г. (XI, 556).

«Нынче в несносные часы карантинного заключения, — писал он, — не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать» (XI, 167).

Пушкин припоминает самые разнообразные обвинения, взводившиеся на него журналистами. Он излагает их — одно за другим (большинство из них — выступления против него Булгарина) и пишет лаконичные возражения.

Вот некоторые из этих пушкинских заметок:

«В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве» (XI, 160).

«В одной газете (почти официальной) сказано было, что прапрадед мой Аб(рам) Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздв<игнутый> в Ц<арском> с<еле> гр. Ф. Г. Орлову), генерал-аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уважением и не всуе. Простительно выходищу не любить ни русских, <ни> России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев» (XI, 153).

И то и другое имеет в виду статью Булгарина, напечатанную 7 августа 1830 г. в газете «Северная пчела»²⁰.

²⁰ Статья «Второе письмо из Карлова на Каменный остров». Подпись: Ф. Б. Приводим из нее выдержку: «Можешь себе представить, каково будет доставаться *нам*, в этих известиях о русской литературе, и на какую степень станут поэты и прозаики, которых издатель „Московского телеграфа“ в шутку назвал знаменитыми, и литературными аристократами! Не могу удержаться от смеха, когда подумаю, что они приняли это за правду, и в ответ на это заговорили в своем листке о дворянстве! Жаль, что Моль-

Под раздраженным пером Пушкина возникают черновые наброски, приводящие к такому четверостишию:

Говоришь, за бочку рома,
Не завидное добро.
Ты дороже, сидя дома,
Продаешь свое перо.

Эпиграмма не сложилась — на другом листке тема развивается:

Фиглярин пипет, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал...

В дальнейших строках —

Архив газетчику достался
Быть может, даром...

— откликается Пушкин, вероятно, на намек Булгарина: «в Ратуше города доискались, что в старину был процесс...».

На третьем листке, на смену недоработанной эпиграммы, слагаются сатирические строки:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем дышит русская земля.

(исправлено:

Кем наша двинулась земля)

и так далее, как в Постскрипуме к «Моей родословной».

Концовка сатиры:

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей псчтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

— намекает на уязвимую сторону Булгарина — он был женат на проститутке (Мещанская улица в Петербурге была местом притонов).

Сатирой этой Пушкин был удовлетворен — он поставил под ней дату: «16 окт. 1830 Болд<ино>» (III, 873), что обычно знаменовало окончание работы или какого-то этапа ее.

ер не живет в наше время. Какая неопцененная черта для его комедии: „Мещанин во дворянстве“! Добрые люди! мне право жаль их. Какой вздор они вскидывают сами на себя. Говорят, что лордство Байрона и аристократические его выходки, при образе мыслей — бог весть каком, свели с ума множество поэтов и стихотворцев в разных странах, и что все они заговорили о шестисотлетнем дворянстве! В добрый час! Дай бог, чтобы это внедрило желание быть достойными знаменитых предков (если у кого есть они); однако ж это не делает глаже и умнее ни прозы, ни стихов. Рассказывают анекдот, что какой-то поэт в Испанской Америке, также подражатель Байрона, происходя от мулата или, не помню, от мулатки, стал доказывать, что один из предков его был негритянский принц. В Ратуше города доискались, что в старину был процесс между шкипером и его помощником за этого негра, которого каждый из них хотел присвоить, и что шкипер доказывал, что он купил негра за бутылку рома! Думали ли тогда, что к этому негру признается стихотворец!»

В те же дни (предположительно 16 октября) написал он и эпиграмму на Булгарина «Не то беда, Авдей Флюгарин...», кончающуюся стихом «Беда, что скучен твой роман». Она была ответом на булгаринское выступление в связи с эпиграммой «Не то беда, что ты поляк...» (написанной еще в марте — апреле).

Ходу этой сатире Пушкин не дал. Быть может, чувствовал он, что много чести этому «выслужившемуся проходимцу» (XI, 229) в таком развернутом отклике писателя, «числящегося по России»?...

Сатира осталась лежать у него в бумагах, а другую эпиграмму — чисто литературную — он отдал в печать, как только вернулся в Москву.

Раздражение против Булгарина не улеглось и после написания этой эпиграммы и сатиры.

Заноза в сознании Пушкина проявилась после завершения четырех драматических шедевров. Пушкин рисует профиль Булгарина (середина ноября).

И тут рождается стихотворение «Моя родословная» — ответ на слова Булгарина из той же статьи, в которой он говорил о шкипере, купившем негра. В сущности, стихи эти являются разработкой вышеприведенных строк Пушкина: «В одной газете официально было сказано, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать, дворянин во мещанстве». Но в «Моей родословной» вопрос поставлен шире, глубже вовлечена история.

Стихотворение писалось, по-видимому, во второй половине ноября: закончил Пушкин эти стихи в начале декабря, уже по дороге в Москву. Под стихами стоит дата «2 декабря», переделано в «3 декабря». Пушкин писал в это время записку невесте из карантина в Платаве, не доезжая до Москвы, где был он задержан на несколько дней.

Теперь негодование против Булгарина было утлено...

Мы знаем, с каким удовлетворением читал Пушкин Вяземскому все сатиры, написанные им в Болдине. Вскоре после возвращения в Москву он поехал к нему в подмосковную деревню Остафьево.

«Третьего дни был у нас Пушкин, — записывает Вяземский в дневник 19 декабря. — Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника. Куплеты „Я мещанин, я мещанин“, эпиграмму на Булгарина за Арапа; написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: „Дон-Жуана“, „Модарга и Салиери“, „У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи“»²¹.

Сатирический поэт лучше, чем кто-нибудь, мог оценить обращенное в стихи жало Пушкина против Александра I (десятая глава «Онегина»), против друга Николая I, члена Государственного совета князя Меншикова, против сенатора Кутайсова, против бывшего министра народного просвещения графа Разумовского, против генерала-адъютанта Клейнмихеля, свискавшего расположение Аракчеева, Александра I и Николая I за действия свои по управлению военными поселениями (строфы из «Моей родословной»), наконец, — против Булгарина (сатира «Решил Фиглярин, сидя дома...»).

Присутствовавший при чтении десятилетний сын П. А. Вяземского, Павел, описал впоследствии это чтение Пушкина с необыкновенной выразительностью и пластичностью: «Холера задержала Пушкина в деревне до конца 1830 года. Немедленно по снятии карантин, в декабре или январе 1831 года, он навестил нас в Остафьево. Я живо помню, как он во время семейного вечернего чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как-будто катаясь на коньках и, потирая руки, декламировал, сильно напирая на: „я мещанин, я мещанин“, „я просто русский мещанин“.

²¹ П. А. В я з е м с к и й. Записные книжки (1813—1848). Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963, стр. 208.

С особенным наслаждением Пушкин прочел врезавшиеся в мою память четыре стиха:

Не торговал мой дед блинами,
В князя не прыгал из холмов,
Не пел на клиросах с дьячками,
Не ваксил царских сапогов»²².

Впоследствии Пушкин присоединил сатиру «Решил Фиглярин, сидя дома...» к «Моей родословной» в виде постскриптума. Так она выглядела менее значительной, подчинялась старому пушкинскому принципу:

И поучительной лозой
Зоила хлещет мимоходом. (II, 171)

В начале 1831 г. мы еще находим в творчестве Пушкина глухие отголоски болдинской бури (заметка «Писатели, известные у нас под именем аристократов...»), а летом 1831 г. разразилась гроза — Пушкин написал и напечатал две поразительные по мастерству и ядовитости статьи — памфлеты на Булгарина «Торжество дружбы или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем».

Эта гроза совершенно очистила воздух. И Пушкин мог бы повторить сказанные когда-то — по другому поводу — слова: «И до последней все обиды отплачены тебе...».

После этого рисовать «шпиона-литератора» (XIV, 133), «пачкуна и мерзавца» (XI, 214) Пушкину уже не понадобилось.

4

Естественно поставить вопрос, почему же рисует поэт ненавистного ему журналиста так спокойно, не только не карикатуря, но даже без тени шаржа? В чем тут дело? Ведь мы не раз читали воспоминания современников о блестящих карикатурах Пушкина.

Где же они? — В рукописях поэта мы их не видели. Даже такие враги, как Булгарин, а прежде Александр I, граф Воронцов нарисованы поэтом безо всякого преувеличения, карикатурности.

Мне кажется, это объяснимо.

Современники вспоминали о карикатурах Пушкина, пускавшихся им по рукам или делавшихся на людях.

Так, рассказывали о быстро распространившейся остроумной карикатуре пятнадцатилетнего Пушкина. Он сразу оценил комическую ситуацию, сложившуюся в момент торжественной встречи Александра I, возвращавшегося после взятия Парижа в 1814 г.

В Павловске была сооружена триумфальная арка. На ней как будто в насмешку над малым размером ее, красовалась надпись — два стиха Буниной:

Тебя, текуща ныне с бою,
Врата победы не вместят.

Пушкин набросал пером рисунок, изображавший замешательство, происходившее будто бы у «победных врат»: лица, составлявшие шествие, видят, приближаясь к воротам, что они действительно «не вместят» государя, который притом еще пополнил в Париже, и некоторые из свиты бросаются рубить их. Остроумный рисунок представлял несколько портретов»²³.

²² П. П. Вяземский. А. С. Пушкин (1816—1837). По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. «Русский архив», 1884, № 4, стр. 415, 416.

²³ В. Гаевский. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения. «Современник», 1863, № 8, стр. 367.

Вспомним рассказ о том, как в Кишиневе рисовал Пушкин мелом на ломберном столе. Известную своей некрасивостью кишиневскую даму, «пучеокую Тарсис» он изображал в виде Мадонны, а на руках у нее в виде младенца — «генерала Шульмана, с оригинальной большой головой, в больших очках, с поднятыми руками»²⁴.

Все эти шутки, рассчитанные на смех приятелей, — нечто вроде эпиграмматического экспромта. Мы можем говорить о публичном назначении карикатур Пушкина, общественной их направленности. Относился он к ним необыкновенно легко. Они исчезали так же быстро, как возникали. Их стирали щетками с зеленого сукна вместе с расчетами игроков.

Такой же характер носят рисунки, делавшиеся во время разговоров с друзьями. Эти рисунки бывали, впрочем, мягче, в духе тех редких шаржей, которые встречаются и на страницах рабочих тетрадей поэта, когда он смеялся не над сущностью человека, а над забавной внешностью его.

Обычно же рисунки в рабочих тетрадях поэта лишены элемента карикатуры. Они делались почти произвольно, для себя, вернее, для освобождения своей психики от образа человека, «гвоздящего мозг». Лучше сказать, не освобождения, а минутного облегчения. Поэт вспоминает того или иного человека по самым различным поводам, и лицо его возникает под его пером. В этот рисунок не вкладывается отношение к изображаемому, это — просто доскональное восстановление черт лица того, кем занята сейчас мысль.

Как постоянно мы наблюдаем, портрет в рисунке Пушкина является первым выражением того, что человек этот тревожит сознание поэта, — женщина ли это, которая завладевает сердцем Пушкина; враг ли, мысль о неперемнной дуэли с которым преследует его; почтенный литератор ли, которому на страницах печати Пушкин посулил рецензию на достойный труд его; крупный ли поэт, о высоком искусстве которого давно пора сказать полным голосом.

Когда Пушкин думает о враждебном ему человеке — ему необходимо представить его себе зрительно. Он невольно и рисует его — не искажая, не издеваясь. Вот почему не окрашены эти рисунки никаким чувством. Они лишь вспышки разгорающегося гнева на этого человека, некие отблески настойчиво мелькающей в сознании поэта мысли, которая неминуемо повлечет за собою произведение искусства слова, трамплин к будущей эпigramме. Поэт расправится со своим врагом впоследствии словом. Он выразит свое отношение к нему, выразит ярко, со всей экспрессией своих неисчерпаемых возможностей.

А рисунок — это между делом. Это — оброненный сигнал зреющей эпigramмы.

²⁴ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. «Русский архив», 1866, № 10, стб. 1458.